

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Л. Н. Толстой и московскіе трезвенники. Четыре года тому назадъ члены 1-го московскаго общества трезвости рѣшили связать свое дѣло со славнымъ именемъ «великаго писателя земли русской», графа Льва Николаевича Толстого. Сдѣлано это было, какъ теперь выяснилось съ очевидною для всѣхъ ясностью, только ради рекламы, но во всякомъ случаѣ въ протоколахъ общества записано, что гр. Л. Н. Толстой единогласно избирается почетнымъ членомъ 1-го московскаго общества трезвости по слѣдующимъ мотивамъ:

«Графъ Л. Н. Толстой, который наравнѣ съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Пушкинымъ, Гоголемъ и другими, служба общепризнаннымъ украшеніемъ нашей отечественной литературы, является вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ первыхъ выдающихся русскихъ трезвенниковъ. Уже много лѣтъ назадъ онъ началъ ратовать публично о народной трезвости, написавъ очеркъ «Первый винокуръ». Въ восьмидесятихъ годахъ, въ статьѣ «Праздникъ просвѣщенія 12-го января», онъ безстрашно бросилъ горячій упрекъ всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ, что они, справляя праздникъ просвѣщенія обѣдами и виномъ и упиваясь онымъ, этимъ самымъ подаютъ дурной примѣръ простому и менѣе образованному народу. Вскорѣ послѣ этого графъ Толстой написалъ: «Для чего люди одурманиваются», гдѣ выступилъ противъ пьянства и табакокурения, и, наконецъ, въ

истекшемъ 1896 г., служба той же великой задачѣ отрезвленія, написалъ очеркъ «Богу и маммонѣ», гдѣ доказывалъ, что въ наше время нельзя говорить, что питье или непитье вина есть дѣло частное отдѣльнаго лица. Такимъ образомъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой очень давно и въ гораздо большей степени, чѣмъ все наше образованное общество, ратовалъ о вредѣ пьянства, усовѣщивая печатно не только малограмотный простой народъ, но и людей высокообразованныхъ, а на послѣднее до того никто не рѣшался! Коротко сказать, движеніе во имя трезвости обязано ему, Толстому, тѣмъ, что онъ трезвость вывелъ на свѣтъ изъ ничтожества и сталъ за нее горюю передъ лицомъ всей пьющей Россіи, не боясь ни насмѣшекъ, ни брани, ни кривотолковъ. Заграничныя общества трезвости высоко цѣнятъ труды этого знаменитаго трезвенника. У насъ, въ Россіи, «Христіанское общество трезвости и воздержанія» имѣетъ удовольствіе считать его въ рядахъ своихъ членовъ».

Прошло четыре года, и вотъ теперь, 24-го іюня, на годичномъ собраніи этого общества выслушивается, по словамъ московскихъ газетъ, заявленіе одного изъ членовъ, портного Ворсуняка, требовавшаго исключенія изъ членовъ общества его почетнаго члена, графа Льва Николаевича Толстого. Поддержанное двумя-тремя лицами изъ присутствовавшихъ, заявленіе это опиралось на § 4 устава общества, гласящій: «членами общества могутъ быть лишь лица православнаго вѣроисповѣданія». А графъ Л. Н. Толстой, говорилось въ заявленіи, согласно опубликованному недавно постановленію Святѣйшаго Синода, какъ временно отлученный отъ церкви, православнымъ считаться не можетъ. Поднялся торговецъ-мелочникъ Замятинъ, также высказался за исключеніе и закончилъ свою рѣчь такъ: «Не знаемъ мы Л. Н. Толстого и знать его не хотимъ! И зачѣмъ только гг. интеллигенты навязали намъ его?» Предсѣдатель засѣданія постарался разъяснить присутствовавшимъ, что Л. Н. Толстой, при самомъ основаніи общества, первымъ общимъ собраніемъ избранъ въ почетные члены за то, что гораздо раньше возникновенія какихъ-либо обществъ трезвости въ Россіи и словомъ своимъ могучимъ, и личнымъ примѣромъ горячо ратовалъ противъ пьянства вообще, а въ народѣ въ особенности. Перерѣшать постановленія общаго собранія нельзя. Предсѣдатель еще добавилъ: «Гг.! Мы—не миссіонерское братство! Въ рамки нашей мирной работы на пользу людскую не входитъ обязанность критиковать религіозныя убѣжденія сочлена, искренно преданнаго одной съ нами задачѣ: искорененію пьянства! Правда, бывали случаи, когда высшая администрація или полиція указывали обществу, что необходимо исключить того или другого завѣдомо неблагонадежнаго члена. Относительно графа Л. Н. Толстого такихъ указаній намъ не было. И въ самомъ нашемъ уставѣ, за исключеніемъ спорнаго § 4, нѣтъ никакихъ указаній на возможность исключенія сочлена изъ-за тѣхъ или иныхъ его религіозныхъ убѣжденій». Собраніе, видимо, прониклось этими доводами. Вопросъ сталъ сходить на нѣтъ. Поднялся членъ-священникъ Любимовъ и торжественно заявилъ: «Если Левъ Толстой остается въ числѣ членовъ настоящаго общества трезвости, я и всѣ остальные лица духовнаго званія выходимъ изъ состава, такъ какъ пребывать въ единеніи съ человѣкомъ, осужденнымъ высшею духовною властью, считаемъ невозможнымъ». Пренія опять приняли напряженный характеръ. Послѣ долгихъ обсужденій, общее собраніе пришло къ нѣкоторому соглашенію и выработало такого рода постановленіе: «Заслушавъ заявленіе членовъ 1-го московскаго общества трезвости: портного Ворсуняка, лавочника Замятина, священника Любимова и другихъ—объ исключеніи графа Л. Н. Толстого изъ числа почетныхъ членовъ общества, въ виду состоявшагося постановленія Св. Синода о временномъ отлученіи помянутаго Л. Толстого отъ православнои церкви, общее собраніе, принявъ во вниманіе § 4-й своего устава, пришло къ заключенію, что графъ Л. Н. Толстой, послѣ вышеприведеннаго постановленія Св. Синода, не можетъ подхо-

дѣть къ указанному въ § 4 составу членовъ общества. Въ виду сего, дальнѣйшее пребываніе Л. Н. Толстого въ числѣ членовъ общества является нежелательнымъ. Но также нѣтъ въ уставѣ и указаній относительно порядка исключенія почетныхъ членовъ общества изъ состава его членовъ. Посему постановлено представить настоящее дѣло на усмотрѣніе Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго генераль-губернатора города Москвы, Великаго Князя Сергѣя Александровича, съ приложеніемъ письменнаго заявленія портного Ворсуняка и покорнѣйшей просьбой: за неимѣніемъ у членовъ общества, на основаніи статей устава, фактическаго права своею властью исключить почетнаго члена Л. Н. Толстого,—дозволить исходатайствовать надлежащее распоряженіе объ исключеніи гр. Л. Н. Толстого административною властью».

Во всей этой дикой исторіи насъ не удивляетъ, конечно, отношеніе къ Л. Н. Толстому со стороны невѣжественныхъ портныхъ и лавочниковъ. Но поразительно, что во всемъ Московскомъ обществѣ трезвости не нашлось, даже среди культурныхъ его членовъ, ни одного, кто выступилъ бы съ рѣшительнымъ протестомъ противъ этой травли великаго старца: постановленіе объ исключеніи Толстого, постановленіе безграмотное и ложно мотивированное, будго бы, «временнымъ отлученіемъ отъ церкви», *подписано собственноручно всеми присутствовавшими*.

Злоключенія корреспондента. Южныя газеты привесли извѣстіе о чрезвычайно характерномъ процессѣ, слушавшемся въ одесскомъ окружномъ судѣ, гдѣ столкнулись—съ одной стороны злополучный, гонимый въ провинціальныхъ захолустьяхъ представитель гласности—корреспондентъ, а съ другой—представитель широкой, въ извѣстныхъ случаяхъ неограниченной судебно-административной власти—земскій начальникъ.

Дѣло возникло по жалобѣ земскаго начальника Елизаветградскаго уѣзда г. Рустановича на корреспондента двухъ одесскихъ газетъ г. Винницкаго, живущаго въ посадѣ Новоукраинка, за клевету въ печати (1535 ст.). Инбримируемая статья напечатана въ «Новоросс. Телеграфѣ». Воспроизводимъ ее здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями.

«Мѣстный обыватель, корреспондирующій въ двухъ одесскихъ газетахъ, попалъ подъ строгій арестъ на трое сутокъ по распоряженію мѣстнаго земскаго начальника г. Рустановича. Г. Рустановичъ приказомъ своимъ на имя волостнаго старшины за № 18 потребовалъ корреспондента въ мѣстное волостное правленіе. Являсь туда, г. Рустановичъ сталъ строго читать нотацію корреспонденту за его газетныя статьи, въ которыхъ указывалось на крупныя пробѣлы въ дѣятельности вдохновителей мѣстнаго крестьянскаго управленія. Послѣ обѣщанія засадить въ тюрьму корреспондента и редактора, г. Рустановичъ, вспомнивъ вдругъ исторію объ участкѣ общественной усадебной земли, пріобрѣтенной съ торговъ корреспондентомъ, грозно спросилъ, исполнилъ ли корреспондентъ какія-то требованія объ освобожденіи полутора-саженной земли, захваченной будто бы послѣднимъ. Когда корреспондентъ отвѣтилъ, что вопросъ объ этомъ клочкѣ земли остается открытымъ до разрѣшенія его херсонскимъ губернаторомъ, г. Рустановичъ, несмотря на то, что дѣло это носитъ характеръ чисто гражданскаго спора, приказалъ волостному старшинѣ позвать 2-хъ этапныхъ, которымъ и велѣлъ арестовать и выдержать корреспондента при волостной кордегардіи въ теченіе трехъ сутокъ, за неисполненіе яко бы своихъ «законныхъ требованій». Несмотря на протесты корреспондента, г. Рустановичъ крикнулъ этапнымъ: «Взять его», и этапные безцеремонно исполнили это распоряженіе, посадивъ ни въ чемъ неповиннаго корреспондента подъ арестъ, и заперли его подъ замокъ. За время трехсуточнаго ареста, по строгому приказанію г. Рустановича, къ арестованному не допускали рѣшительно никого, даже врача, по-